

В. Н. Андреев

ПРОБЛЕМА НЕСТАБИЛЬНОСТИ КРУПНЫХ АФИНСКИХ СОСТОЯНИЙ V — IV вв. до н. э.*

«Богатство ненадежно и легко может быть утрачено» — эта идея постоянно повторяется в греческой литературе¹. Большей частью в такого рода сентенциях присутствует мысль об игре случая, капризах судьбы. Как кажется, самая идея превратностей судьбы в значительной меньшей степени свойственна современному обществу, взятому в целом. Если она стала органической частью мировоззрения древних греков, то это, вероятно, отражало реальные условия их существования.

Эта игра случая, приводящая человека к разорению и гибели, конкретизируется в одном из отрывков комедиографа Антифана (fr. 204 K). «Сильно ошибается тот смертный, — говорит здесь неизвестный персонаж, — кто считает надежным владение каким-либо имуществом» (ἀσφαλές τι κτήν' ὑπάρχειν τῷ βίῳ λογίζεται). Его может «огрбить» военный налог (эйсфора), разорит судебный процесс, он остается должником после отправления стратегии, ходит в лохмотьях, блестяще выполнив хорегии, вешается по окончании триерархии, попадает в плен во время морского плавания... Словом, прочно только то, что с удовольствием потребляешь изо дня в день, то, что съедено и выпито.

В речь Исея содержит любопытный пассаж (§ 43—45): куда Диоген истратил состояние, так что теперь жалуется на бедность? Он не издержал деньги на город или на друзей, не разорился от содержания лошадей² или упряжек мулов, не выкупил никого из плена, не израсходовал значительных средств на литургии — общественные повинности — или на посвящения богам, не выполнял триерархию и не вносил крупных сумм в качестве военного налога. Очевидно, с точки зрения оратора, такого рода расходы послужили бы оправданием Диогену. Но он растратил состояние «дурно и постыдно» (κακῶς καὶ αἰσχρῶς διολύλαξας): здесь, по-видимому, содержится намек на «расточительство». Этот последний способ разорения раскрывается в еще одном отрывке Антифана: ни один старик не проел отцовского имущества, не растранижил его по безрассудству, не выкупил продажную женщину, не уплатил штраф за вторжение в чужой дом (fr. 239 K).

В этих трех местах как будто специально собраны почти все возможности потери имущества, известные нам из других источников. Такими они представлялись античным авторам, и нет оснований полагать, что афинские писатели не умели или не хотели нарисовать достаточно полную и

* Статья, представляющая собой часть большой работы В. Н. Андреева, публикуется посмертно.

¹ См., например, *Dem.*, I, 23, ср. 11; *Alexid.*, fr. 281 K; *Philem.*, fr. 213 K; *Hipparch.*, fr. 2 K; *Men.*, fr. 94 K (Georg., fr. 1 Körte); *Com. flor.* 75—76, fr. 62, 740 Körte; ср. характерное рассуждение в P. Didot, 19—32; ср. *Suid.*, E 3576, II 1797.

² Ср., кстати, *Aristoph.*, *Nub.*, особенно 33—35, 437—438; *Xen.*, *Oecon.* III, 8.

объективную картину того общества, к которому они сами принадлежали. То обстоятельство, что в поле их зрения находились, разумеется, главным образом состоятельные и богатые слои гражданства, только облегчает нашу задачу.

Достаточно представить себе, как об этом же предмете применительно к своему обществу рассуждал бы наш современник, чтобы заметить некое лежащее на поверхности принципиальное различие. Конечно, Антифан мог добавить к своему перечню, например, кораблекрушение или неуплату долгов. Но остается несомненным, что «ненадежность» богатства в его глазах была обусловлена причинами, весьма мало связанными с экономикой.

Очевидно, и в этом случае для более основательных выводов необходимо рассмотреть возможно большее число конкретных примеров потери состояния, причем я буду здесь широко использовать материал, собранный в фундаментальной работе Дэвиса³.

Дэвис в своем «Регистре» отмечает полное разорение или крупные финансовые потери приблизительно четырех десятков богатых афинян. Заметим сразу же, что это довольно высокая пропорция, сама по себе в какой-то мере подтверждающая мнение о непрочности богатства, характерное для афинской литературы. Ведь о подавляющем большинстве из приблизительно 800 персонажей, вошедших в «Регистр», у нас нет достаточно подробных сведений.

Итак, известный только по одному фрагменту Исея Гэгнотей растратил крупное состояние, унаследованное от отца⁴. Собственность Аксиоха из Скамбонидов и Алкивиада из Фегунта была конфискована по процессу гермокопидов⁵.

Более сложной представляется «имущественная биография» знаменитого Алкивиада, сына Клиния, — отчасти, может быть, просто потому, что мы гораздо больше знаем о нем. Дэвис приводит обширный материал о его громадных тратах на исполнение общественных повинностей, содержание лошадей, личное потребление и т. д. Он предполагает, что все это должно было серьезно затронуть основные ресурсы Алкивиада. В 415 г. его собственность была конфискована по процессу гермокопидов, в 407 г. возвращена или возмещена, а затем снова потеряна: во всяком случае, не досталась его сыну⁶. К этому следует добавить, что Алкивиад уже за пределами Афин потерял значительную часть имущества, приобретенного во Фракии⁷, а то, что оставалось, утратил, очевидно, вместе с жизнью. Таким образом, Алкивиад терял состояние дважды или трижды.

Оратор Андокид, имевший знатных и богатых предков, впал в бедность в конце Пелопоннесской войны (может быть, в результате конфискации) и был вынужден заняться торговлей, опираясь на свои «международные» связи⁸. Очень вероятно, фамильное имущество уже было уменьшено его расточительным отцом⁹. Во всяком случае, Эвполид прямо обвиняет последнего в том, что тот растратил состояние на гетеру Миррину (fr. 44K). Возможно, второй раз Андокид потерял свое состояние в связи с окончательным изгнанием из Афин.

Имущественная биография Андротнона выглядит в освещении Дэвиса непрерывно благополучной: это был богатый человек, вероятно землевладелец. Поскольку он и его отец обучались у софистов, богатство семьи восходило к V в.¹⁰ Но для нас-то существенны как раз другие моменты.

³ Davies J. K. *Athenian Propertied Families 600—300 B. C.* Oxf., 1971. Рец.: Андреев В. Н. — ВДИ, 1973, № 1, с. 208—216.

⁴ Ibid., p. 4.

⁵ Ibid., p. 16 f.

⁶ Ibid., p. 20 f.

⁷ *Plut.*, Alcib. XXXVII, 6—7; *Nep.*, Alcib. 9.

⁸ Davies. *Op. cit.*, p. 31.

⁹ Ibid., p. 30.

¹⁰ Ibid., p. 33 f.

Андрон, отец Андروتiona, был государственным должником и долго сидел в тюрьме¹¹. Самого Андروتiona Демосфен обвиняет в «воровстве»¹². Он был осужден, также стал государственным должником, сумма штрафа была умножена¹³. В дальнейшем Андروتюн оказался изгнанником в Мегарах¹⁴. Здесь очень мало остается от богатого преуспевающего землевладельца, не правда ли? Но ведь именно эти события составляли, может быть, наиболее реальную сторону жизни Андروتiona из Гаргета...

Один из вождей демократии Анит потерял много денег в период правления «Тридцати», а впоследствии был изгнан из Афин¹⁵. Правда, к концу IV в. его тезка и, по всей вероятности, если не прямой потомок, то близкий родственник снова появляется как богатый человек в списках триерархов (*ibid.*). Но даже Дэвис, вообще склонный переоценивать устойчивость богатства, осторожно говорит о «возвращении» семейного благосостояния, не усматривая здесь, по-видимому, прямой преемственности. Судя по той характеристике, которую Ксенофонт дает сыну Анита (Apol. 31), этот субъект вряд ли был способен сохранить отцовское имущество.

Архедем из Ойона, явно состоятельный человек (Isae., VII, 7—9), в конце Пелопоннесской войны попал в плен и, как кажется, потерял большую часть своего имущества, хотя рассказ Исея об этих событиях не отличается точностью¹⁶.

Аристолах, сын Харидема, трапедзит, потерпел банкротство около середины IV в. и лишился, по всей вероятности, почти всего состояния¹⁷. Остается неясным, может ли этот Аристолах быть идентифицирован с Аристолахом из Эрхии, семь раз исполнявшим триерархию и, очевидно, очень богатым человеком. Для Дэвиса решающим оказывается то обстоятельство, что деятельность «банкира» могла послужить источником богатства и создать, таким образом, экономические предпосылки для исполнения триерархии. В результате он (правда, с некоторыми оговорками) поддается соблазну отождествить «банкира» с триерархом. Судьба «банкира» Аристолаха может, очевидно, рассматриваться в совершенно противоположном ключе — как свидетельство того риска, которому подвергались профессиональные «финансисты». Однако принятая Дэвисом идентификация все же вполне возможна. Если с ней согласиться, перед нами появляется несколько странная, но, я думаю, в афинских условиях ничуть не невероятная фигура — «банкир», накопивший крупное состояние и тратящий его на ревностное служение городу! Комбинируя все, что известно об Аристолахе, мы можем предположить, что бремя общественных повинностей оказалось для него непосильным. Кроме того, он не вовремя приобрел земельный участок и потерпел в конце концов финансовое крушение, не в силах расплатиться со своими кредиторами¹⁸.

Макартат из Проспальты (человек, впрочем, не более чем состоятельный), оставив мирную жизнь, продал свою землю, купил триеру, отправился на Крит (взяв с собой «имущество», т. е. прежде всего, по-видимому, наличные деньги) и погиб вместе с триерой¹⁹. Дэвис резонно сомневается в том, что Макартат не оставил никакого наследства, но понесенный им ущерб — даже чисто материальный — был, несомненно, велик.

Деметрий Фалерский, возвысившийся из полного ничтожества до положения правителя Афин и в качестве такового распоряжавшийся государственными доходами (к ссылкам Дэвиса можно добавить Ael., VII,

¹¹ Dem., XXII, 33—34, 56, 68; XXIV, 125, 168.

¹² Dem., XXII, 49; XXIV, 162; ср. 8, 111.

¹³ Dem., XXIV, 9, 82 sq., 120.

¹⁴ Plut., Mor. 605 C.

¹⁵ Davies. Op. cit., p. 41.

¹⁶ Isae., VII, 7—9; Davies. Op. cit., p. 44.

¹⁷ Davies. Op. cit., p. 60.

¹⁸ Dem., XXXVI, 50; [Dem.], XLV, 64.

¹⁹ Isae., XI, 48—49; Davies. Op. cit., p. 85.

IX, 9), затем — беглец в Египет, снова живший в богатстве благодаря покровительству Птолемея, ввавший, наконец, в немилость и погибший вдали от родины ²⁰, — разве не доставляет примеры столь же грандиозных потерь, как и приобретений? По-видимому, биография Деметрия может рассматриваться не только как исключение, но и как некий образец тех превратностей судьбы, которые испытали многие афинские политические деятели «международного» калибра. Эти люди держали в своих руках, утрачивали и снова приобретали где-то в другом месте колоссальные суммы, рядом с которыми кажутся совершенно мизерными все кропотливо отмеченные Дэвисом траты на литургии или доходы от земельных участков. Разумеется, лишь в исключительных случаях их постигала участь тирана Дионисия. Обычно, сохраняя связи и авторитет, они просто не могли опуститься ниже какого-то (немалого для Атики) уровня богатства. И, конечно, кое-что из золотого (или серебряного) дождя перепало их друзьям, родственникам и наследникам. Так, одному из ближайших потомков Деметрия еще удалось прослыть «расточителем» ²¹.

Афоб, один из опекунов Демосфена, был присужден к уплате 10 талантов в пользу своего подопечного. Хотя вся сумма, вероятно, никогда не была выплачена полностью, а многие обстоятельства дела остаются неясными, Дэвис справедливо предполагает, что потери Афоба оказались значительными ²². Брат Афоба Эсий также, может быть, утратил немалую часть имущества в результате аналогичной судебной тяжбы ²³.

При всей пристрастности, с которой Демосфен освещает действия своих опекунов, все-таки ясно, что он по сути дела потерял состояние, оставленное его отцом ²⁴. Вероятно, есть доля истины и в нападках Эсхина, много позднее обвинявшего Демосфена в расточительности ²⁵. Следует прибавить многочисленные и щедрые траты его на общественные нужды, скрупулезно перечисленные Дэвисом ²⁶. В связи с этим едва ли оправданно замешательство Дэвиса в связи с тем, что после 341 г. Демосфен почти не упоминается в числе граждан, выполнявших литургии. Дэвис объясняет это тем, что Демосфен, по-видимому, уже мало различал свое личное состояние и те общественные деньги, которые находились в его распоряжении ²⁷. Само по себе это предположение вполне реалистично. Я добавил бы только, что в этом отношении в судьбе Демосфена нет ничего исключительного. Более того, здесь не требуется никакого специального объяснения, если в качестве эталона принять, скажем, Фемистокла и Клеона, а не Нельсона Рокфеллера или семью Кеннеди. Афинские политики имели одно главное «предприятие» — свои общественные функции и все, что было с ними связано. Естественно, их материальное благосостояние варьировалось в соответствии с перипетиями их политической карьеры и состоянием государства в целом. Здесь были неизбежны периоды «процветания» и «депрессии». Демосфен, как известно, оказался не в состоянии уплатить штраф в 30 или 50 талантов, наложенный на него в связи с делом Гарпала. Я не понимаю сомнений Дэвиса по этому вопросу: поводом к ним, по-видимому, явилась ошибочная интерпретация в самом деле не совсем ясных сообщений о смягчении штрафа ²⁸. Между тем финансовые затруднения оратора в конце его жизни вполне понятны с той точки зрения, которая здесь изложена. Следует, наконец, отметить еще одно обстоятельство, не обсуждаемое Дэвисом: имущество Демосфена, по всей вероятности, было конфис-

²⁰ *Davies*. Op. cit., p. 107 ff.

²¹ *Ibid.*, p. 109.

²² *Ibid.*, p. 119.

²³ *Ibid.*, p. 120.

²⁴ *Ibid.*, p. 127 f., 132 f.

²⁵ *Aeschin.*, III, 173, ср. 240; *Din.*, I, 36; [*Plut.*], Mor. 847 E.

²⁶ *Davies*. Op. cit., p. 135 ff.

²⁷ *Ibid.*, p. 137 f.

²⁸ *Ibid.*, p. 135; ср. также *Dem.*, Ep. III, 38—41.

ковано в результате смертного приговора, вынесенного ему народным собранием (Plut., Dem. XXVIII, 2).

Состояние Диодота после его смерти было присвоено его братом Диогитоном, так что прямые наследники ничего не получили²⁹. Эпикрат, разбогатевший за счет персидских подарков, был осужден и приговорен к смерти, что должно было сопровождаться конфискацией имущества³⁰. Незвестный по имени богатый афинянин, о котором сообщается в XIX речи Лисия, якобы истратил 2/3 своего состояния на выполнение государственных повинностей³¹. В интересах оратора было продемонстрировать патриотизм этого гражданина, но сама цифра расходов (в общей сложности немного меньше 10 талантов) не могла быть особенно сильно преувеличена. В оценке оставшегося имущества, разумеется, возможно очень существенное преуменьшение.

Федр из Мирринунта обеднел в результате осуждения и конфискации имущества по процессу гермокопидов. Он вернулся из изгнания, но остался бедняком. Мы не можем быть уверены, что Федр до своего разорения был богат. Сохранившийся в «Аттических стелах» перечень некоторых статей его имущества, проданного после конфискации, по мнению Дэвиса, «not very informative» (с. 201). Это в общем верно в том смысле, что материал, содержащийся в «Стелах», не свидетельствует о богатстве. Но он вместе с тем оставляет впечатление по меньшей мере состоятельности. Это хорошо согласуется с тем времяпрепровождением и кругом знакомств, которые следует предположить для Федра на основании диалогов Платона.

Конфискации подверглось также имущество Никофема и Аристофана, во всяком случае та его часть, которая находилась в Аттике³². Конфисковано было и огромное (в 80 или 100 талантов) состояние Фемистокла³³. Правда, Фемистокл сохранил какую-то часть своих денег, а впоследствии стал, вероятно, еще более богатым человеком, но это обстоятельство не меняет сути дела. Что касается богатств, приобретенных Фемистоклом в Персии, то после его смерти они, очевидно, вернулись в руки персидского царя.

Вождь афинской демократии Фрасибул из Стейрии потерял значительную часть имущества при «Тридцати тиранах» (по-видимому, в результате конфискации) и не получил ее обратно после победы демократов³⁴. Похоже, что он разбогател снова во время военной экспедиции в малоазиатские воды (Lys., XXVIII, 4, 5). Его сын Фрасибул II впоследствии был оштрафован на 10 талантов³⁵. Таким образом, эта семья также может служить примером резких колебаний в имущественном благосостоянии.

Собственность Теодора, отца Исократ, была потеряна во время Пелопоннесской войны. Дэвис высказывает предположение, что ближайшей причиной этого краха могло явиться бегство рабов в Декелею³⁶. С его точки зрения, Теодор — преуспевающий «фабрикант», извлекающий доходы из производства флейт: лишившись рабочей силы, он неминуемо разоряется. Пожалуй, в качестве альтернативы можно предположить естественное сокращение рынка для сбыта флейт в условиях войны. Но это означало бы согласие с позициями, которые представляются мне ошибочными в принципе. Сомнительно, чтобы эргастерий с (допустим) одним-двумя десятками рабов, делающих флейты, мог доставить своему владельцу богатство. Маловероятно, чтобы собственность состоятельного гражданина

²⁹ Davies. Op. cit., p. 151—154.

³⁰ Ibid., p. 181.

³¹ Ibid., p. 200.

³² Ibid., p. 202.

³³ Ibid., p. 215.

³⁴ Ibid., p. 240.

³⁵ Ibid., p. 241.

³⁶ Ibid., p. 246.

ограничивалась эргастерием. Не верится, чтобы бегство нескольких (или даже всех по какой-то особой прихоти судьбы) рабов явилось для него невозместимой потерей. Что касается «утраты состояния», о которой говорит Исократ (XV, 161), то в условиях Декелейской войны для нее нашлись бы и иные причины.

Богатейшую афинскую семью Каллиев — Гиппоников Дэвис рассматривает как своеобразную «горнопромышленную династию», создавшую огромное состояние путем эксплуатации Лаврийских серебряных рудников. Отсюда естественным образом вытекает предположение о том, что одной из причин общеизвестного катастрофического разорения Каллия III было падение дохода от рудников в период Декелейской войны. Вторую причину Дэвис, правда, видит в многократно засвидетельствованном источниками «мотовстве» Каллия (с. 260 сл.).

Эта, — разумеется, не подтвержденная источниками — картина представляется результатом какой-то наивной модернизации социально-экономических отношений в древних Афинах. В греческом обществе концентрация богатства не имела ни предпосылкой, ни результатом концентрации средств производства. Это была почти исключительно концентрация денег. Соответственно и потеря такого богатства заключалась преимущественно в изъятии или трате денег (или легко реализуемого имущества). Эта процедура не требует другого объяснения, кроме того, которое в данном случае прямо заключено в источниках: Каллий попросту растратил семейное состояние — вполне в духе той эпохи.

То же самое относится к Исхомаху, который у Дэвиса превращается в «аграрного предпринимателя», понесшего крупные убытки в результате спартанских вторжений во время Пелопоннесской войны³⁷. Эта конструкция основана на идентификации двух персонажей, носящих имя Исхомаха. Один выступает в «Экономике» Ксенофонта как теоретизирующий сельский хозяин. Другой упомянут Лисием в существенном для нас контексте: при его жизни считалось, что его состояние превышает 70 талантов, а двум своим сыновьям он оставил меньше чем по 10 талантов каждому (Lys., XIX, 46). Дэвис, мне кажется, вполне справедливо усматривает за сообщением Лисия реальное уменьшение состояния, а не только ошибочность первой оценки. Возможно также, что правильна самая идентификация. Но, во-первых, в условиях Аттики второй половины V в. просто невозможно представить себе земельные владения такого размера, чтобы их цена могла под влиянием опустошений военного времени уменьшиться на несколько десятков талантов. Во-вторых, сущность сообщения Лисия и его лексика могут быть гораздо успешнее поняты при допущении, что речь шла преимущественно о наличных деньгах. В-третьих, Дэвис не принимает во внимание некоторые детали той характеристики, которую интересующий нас персонаж получает у Ксенофонта. Здесь Исхомах между прочим заявляет, что он подвергается жестоким нападкам сикофантов и что ему неоднократно предлагали обмен имуществом по поводу триерархии и хорегии (Oecon. XI, 21, VII, 3). Наконец, он дает понять, что тратит деньги на пышные жертвоприношения, на помощь друзьям и на общественные нужды (Oecon. XI, 9; ср. 10, 13, 22). Все это создает настолько отчетливый образ, что я не вижу, почему бы свидетельство о каком-то Исхомахе, богатство которого погубили прихлебатели (Athen., XII, 537 C), не могло относиться к тому же самому человеку. Словом, «экономическое» объяснение опять оказывается и не подтвержденным источниками, и попросту излишним, хотя оно, разумеется, может заключать в себе долю истины.

Политическая карьера Агиррия закончилась, по-видимому, судебным процессом по обвинению в казнокрадстве и длительным тюремным заключением — до выплаты долга. После этого Агиррий уже нигде не упоминает-

³⁷ Ibid., p. 265—268.

ся. Дэвис не включает (с. 278) Агиррия в число богатых афинян, так как в источниках нет сведений о выполненных им литургиях или других прямых свидетельствах о богатстве. Но учитывая причастность Агиррия к кругу тех лиц, которые фактически руководили Афинами после восстановления демократии, а также некоторые события его биографии, кажется маловероятным, чтобы его имущество в лучшие времена не превышало каких-нибудь 3—5 талантов, достаточных для выполнения общественных повинностей. В схолиях к *Aristoph., Plut.* 176 Агиррий прямо назван богатым. Правда, это указание сильно обесценивается тем обстоятельством, что тут же содержится другое замечание, согласно которому, он был беден. Если оба эти сообщения восходят к каким-то реальным свидетельствам современников, они могут быть примирены допущением, что Агиррий разбогател в результате политической деятельности. Но вернее, пожалуй, что схолиаст (как и во многих других случаях) просто пытался объяснить недостаточно понятные слова Аристофана, не располагая никаким дополнительным фактическим материалом.

Только мельком Дэвис упоминает о штрафе в 50 талантов, наложенном на знаменитого Мильтиада и так и не выплаченном до конца его жизни, между тем это означало исчезновение очень большого состояния и финансовое крушение богатейшей семьи, нашедшее некоторое отражение в наших источниках³⁸. Сын Мильтиада Кимон снова разбогател, — надо полагать, преимущественно за счет военной добычи. Дэвис обратил внимание на тот факт, что ни один из потомков Кимона не известен как исполнитель литургий: он высказывает догадку, что Кимон широко использовал свое имущество в политических целях. Можно, пожалуй, пойти дальше и предположить, что такого рода затраты были почти неизбежны для каждого крупного военного и политического деятеля, а для Кимона они, по видимому, особенно характерны. Наконец, Кимон не однажды подвергался тяжелым обвинениям; не исключено, что безнадежная путаница, возникшая уже в древности относительно наложенного на Мильтиада штрафа в 50 талантов, объясняется тем, что Кимон был также оштрафован³⁹.

Хармид (если его портрет у Ксенофонта вполне реален) обеднел во время Пелопоннесской войны, потеряв заморские владения и лишившись дохода от тех, которые располагались в Аттике⁴⁰. Из соответствующего места у Ксенофонта видно, что прежде Хармид был богат (*Symp.* IV, 30, 32). Этот же человек позднее занимал высокую должность при «Тридцати» и, надо полагать, имел возможность приобщиться к их недолговечному обогащению (*Хен., Hell.* II, 4, 19).

Стратег Леосфан был приговорен к смерти, имущество его было конфисковано⁴¹. Впрочем, он бежал к Филиппу, находился у него в большой чести и, разумеется, пользовался соответствующими материальными благами (*Schol. Aeschin.* II, 21).

Конфискована была собственность Памфила. Какое-то представление о том, что это был богатый человек, дают размеры приданого, полученного его дочерью (1 или 1 2/3 таланта), и — очень косвенно — тот факт, что после его смерти остался невыплаченный долг в 5 талантов⁴².

Упадок семьи Алкмеонидов — по крайней мере с конца V в. — прослеживается вполне отчетливо (теперь к прежним его признакам можно добавить весьма скромный надгробный памятник Мегаклу из Алопеки, опубликованный Виллемсенем)⁴³. Дэвис видит причину этого упадка в обстановке Пелопоннесской войны вообще, а в частности — в крупных дол-

³⁸ *Davies. Op. cit.*, p. 303; 311; *Herod.*, VI, 136; *Plut.*, Cim. IV, 4; *Diod.*, X, 30; *Plut.*, Cim IV, 8; *Diod.*, X, 32.

³⁹ *Dem.*, XXIII, 205; *Schol. Aristid.* 515.

⁴⁰ *Davies. Op. cit.*, p. 331.

⁴¹ *Ibid.*, p. 342; *Diod.*, XV, 95, 3.

⁴² *Davies. Op. cit.*, p. 365.

⁴³ *AM*, 1970, Bd. 85, S. 91—93.

гах Мегакла V (с. 384 сл.). Что касается задолженности, то она, конечно, скорее результат, чем причина обеднения. В целом же, как кажется, здесь снова дают о себе знать заблуждения Дэвиса относительно всей афинской имущественной элиты. С его точки зрения, основу ее богатства составляла какая-то «продуктивная» собственность: для Алкмеонидов это были обширные земельные владения в пригородных демах (с. 384). По такой логике обеднение должно было заключаться в потере этой недвижимости (см. осторожные, но отвлеченные от источников рассуждения Дэвиса на с. 384 сл.). Если же допустить, что богатство афинских «миллионеров» создавалось и заключалось главным образом в деньгах, все сообщения источников приобретают вполне реальный смысл. Предположим, что обогащение Алкмеонидов действительно берет начало с авантюры Алкмеона (Herod., VI, 125). Ясно, что в течение VI—V вв. их состояние должно было сильно пострадать в ходе политической борьбы и в результате различных превратностей, которым подвергались представители этой семьи. Какая-то его часть, унаследованная Мегаклом V, могла быть просто растрочена им, как резонно предполагает схолиаст (ad Aristoph., Ach. 614). Все, что известно о стиле жизни Мегакла, превосходно вписывается в эту картину.

Совершенно аналогичен подход Дэвиса (с. 403—406) к той эволюции, которую претерпели имущественные обстоятельства еще одной богатейшей афинской семьи V в. до н. э. — семьи Никия и Никерата из Кидантидов. Относительно Никия хорошо известно, что он получал большие доходы от Лаврийских серебряных рудников. По словам Лисия, состояние Никия оценивали не меньше чем в 100 талантов, а Никерат оставил своему сыну имущество, не превышавшее 14 талантов. Эти факты, удостоверенные источниками, получают у Дэвиса примерно такое истолкование: начало семейному богатству положил, вероятно, отец Никия Никерат I, приступивший к эксплуатации рудников в начале V в. до н. э., когда это дело стало развиваться. Семейное предприятие было продолжено Никием и достигло при нем наибольшего размаха. Относительное обеднение Никерата II объясняется тем, что в период Декелийской войны из рудников происходило массовое бегство занятых там рабов (эта точка зрения широко распространена). Но, строго говоря, никто не может утверждать, что большинство или даже значительная часть перебежавших к спартамцам рабов была из района рудников. Соответствующее место у Фукидиды (VII, 27, 5) скорее может быть понято противоположным образом.

Эта гипотеза в какой-то мере подтверждается тем, что потомки Никерата уже в IV в. владели землей в районе Лаврия, хотя они как арендаторы рудников не зафиксированы, да и появление представителей разных поколений одной семьи среди рудничных «предпринимателей» вовсе не обязательно означает прямую преемственность в экономической активности.

Справедливости ради следует отметить, что мы ничего не знаем о каких-либо экономических интересах Никерата I и II. Вместе с тем вполне возможно, что Дэвис в какой-то степени прав и ухудшение общей ситуации в рудниках сыграло свою роль в уменьшении состояния Никия. Однако вернемся к источникам. По словам Лисия, считалось, что имущество Никия заключалось преимущественно в наличных деньгах, это подтверждается и сообщением Плутарха (Nic. IV, 2). Далее, по Лисию, Никерат как раз золота и серебра не оставил: 14 талантов стоило остальное имущество. Между тем бегство рабов и иные неприятности с рудниками привели бы, очевидно, только к некоторому сокращению доходов.

Таким образом, предположение Дэвиса в сущности ничего не объясняет. А ведь нужные факты лежат, можно сказать, под боком. Дэвис сам приводит материал о больших тратах Никия на отправление общественных повинностей и посвящения богам (сюда следует прибавить расходы, связанные с пресловутым страхом перед доносчиками⁴⁴). Исходя из общего

⁴⁴ *Plut. Nic. IV, 3—4; ср. V, 5.*

представления об этом человеке и его деятельности, можно предположить, что и участие в военно-политических предприятиях Афинского государства было связано для него с немалыми расходами. Что касается Никерата, то период Декелейской войны наверняка усилил финансовое давление государства на богатых граждан (о расходах Никерата в частной жизни ср. Xen., Symp. III, 6).

Имущество Никида из Мелиты, так же как и Эония, было конфисковано и продано по «процессу гермокопидов»⁴⁵. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что какая-то часть имущества Эония (по всей вероятности, земельные владения) была продана за исключительно большую сумму — более 80 талантов. Дэвис отмечает с понятным оттенком удивления, что Эоний, таким образом, был одним из богатейших афинских граждан, а вместе с тем он совершенно не известен по другим источникам.

Я допускаю, что и в этом случае обнаруживается специфика афинского «сверхбогатства». Это было нередко богатство «шальное», случайно приобретенное, а следовательно, почти неизвестное и столь же внезапно и случайно выплывшее на свет. Разумеется, подобные Эонию фигуры не могли быть «типичными» для Афин хотя бы в чисто количественном отношении. Но спорадическое появление таких персонажей в известном смысле «закономерно», так что мы столь же нечаянно можем натолкнуться еще на кого-то из них.

Еще характернее, пожалуй, тот факт, что собственность Эония, о которой идет речь, находилась не в самой Аттике, а на острове Эвбея. «Аттические стелы», фиксирующие продажу конфискованного имущества, вообще содержат немало указаний на собственность за границей. С тех позиций, каковые я пытаюсь здесь сформулировать, представляется совершенно естественным наличие среди афинских «миллионеров» лиц самого незаметного происхождения, чье состояние было создано или находилось за пределами Аттики. Такое имущество было не только легко скрыть, но и легко приобрести. Земельные владения ценой в 80 талантов в пределах собственно афинской территории были бы, мне кажется, величайшим исключением (если допустить, что они вообще были возможны).

Относительно братьев Навсимаха и Ксенопейта Дэвис пишет, что благосостояние их семьи было непродолжительным вследствие их «демонстративного потребления» (*conspicuous consumption* — с. 416). Он не ссылается здесь на соответствующее место в источниках, так что остается не вполне ясным, о каких расходах идет речь. На с. 418 Дэвис говорит только об исполнении литургий и о том, что в дальнейшем члены семьи уже не встречаются среди лиц, выполняющих общественные повинности (последнему обстоятельству я не стал бы придавать какое-нибудь значение). Кажется, эта акцентировка — не самая правильная. В самом деле, Демосфен приписывает Навсимаху и Ксенопейту типичное расточительство. По его словам, братья растратили имущество в пирах и попойках (*τα, . . . οὐκὰ κατεσθίοντες καὶ παροικοῦντες . . . ἀνηλωθέναι* — Dem., XXXVIII, 27, ср. 25). Разумеется, выдвигаемые в судебных речах обвинения сплошь и рядом заключают в себе элемент инсинуации. Но нужно принять во внимание, что в условиях Афин, где проживало, может быть, всего 10—12 тысяч граждан, как раз об образе жизни каждого было бы трудно (и нерасчетливо) сообщать заведомую неправду. Так, облик Аполлодора во многих отношениях получается однозначным в речах, написанных против него и от его собственного лица. Что касается Навсимаха и Ксенопейта, то судебные авантюры братьев являются некоторым подтверждением той характеристики, которая дается им в речи Демосфена. Стоит также отметить, что братья «прожигали жизнь» в кругу людей того же сорта. Двое их собутыльников — Аристократ и Диогнет — названы поименно.

⁴⁵ Davies. Op. cit., p. 408, 419.

Примечательно что о случаях «мотовства» Дэвис обычно сообщает мельком, иногда вообще опуская их, иногда подыскивая какое-то альтернативное объяснение. Это понятно: «чистое» расточительство настолько противоречит его «экономическому» подходу к афинскому частному богатству, что должно казаться чем-то нетипичным, малозначащим и даже, вероятно, едва ли заслуживающим серьезного обсуждения.

Ну а если представить себе расточительство не просто в качестве более или менее постоянного атрибута античности, но как один из важнейших факторов всей тогдашней социально-экономической системы? Дюпоны вряд ли способны «проесть» свое состояние, и не только ввиду его величины, но и по многим другим причинам, не последнюю роль среди которых играют психологические стандарты эпохи. Что же до Навсимаха и Ксенопейта, то я не сомневаюсь, что они были в состоянии это сделать, — и они сами, и Аристократ, и Диогнет, и «другие такие же», которых имел в виду Демосфен.

К числу «расточителей» относится и упомянутый выше Аполлодор, сын богатейшего афинского «банкира» Пасиона. Дэвис отмечает три основные причины его финансовых потерь: экстравагантные траты на личное потребление, расходы на отправление литургий, иногда чрезмерно щедрые, и судебные издержки (с. 440, 442). Сомнения Дэвиса в точности сообщений относительно этих расходов естественны, но все же создается отчетливое впечатление, что Аполлодор в самом деле из очень богатого человека постепенно превратился просто в состоятельного (к ссылкам у Дэвиса можно добавить Dem., XXXVI, 52, XLV, 73—75, 85, где об этом говорится в общей форме, и ряд мест из [Dem.], L и LIII, где речь идет о конкретных материальных затруднениях Аполлодора).

Возможно, в результате конфискации потерял свою собственность Акумен⁴⁶. Полистрат и его сыновья, по-видимому, понесли большие убытки в результате Декелийской войны (т. е. ущерба, нанесенного их земельным владениям?), расходов на выполнение общественных повинностей и взносов эйсфоры и, как кажется, очень крупного денежного штрафа⁴⁷. Хотя здесь было бы естественно ожидать преувеличений, все-таки похоже, что семья действительно утратила прежнее благосостояние (см. Lys., XX, 33).

С вполне оправданным сомнением (прямые свидетельства здесь отсутствуют, а идентификация далеко не бесспорна) Дэвис допускает (с. 471), что пристрастие Пронапа к содержанию лошадей привело к обеднению семьи, так что сын — предположительно этого самого — Пронапа, если доверять комедии, был уже бедняком.

Состояние Стефана, сына Талла, при его жизни оценивалось в 50 талантов, а после его смерти оказалось имущество на сумму около 11 талантов⁴⁸. В соответствующем месте у Лисия (XIX, 45—48) приведено несколько аналогичных случаев, и они объединены общей мыслью о том, что размеры состояний часто преувеличиваются молвой. Строго говоря, здесь, таким образом, вовсе не обязательно предполагать, что состояние фактически уменьшилось. Но из всего контекста явствует, что Лисию было в сущности совершенно безразлично, откуда происходила разница в цифрах. Поэтому кажется правильным допущение, что во всех этих случаях дело заключалось не только (и, может быть, не столько) в ошибках общественного мнения, но и в реальном уменьшении состояний. В силу каких причин сократилось состояние Стефана — неизвестно.

Мимоходом (на с. 534) Дэвис упоминает некоего Дифила, о котором мы знаем только, что он был осужден и казнен за злоупотребления при разработке рудников, а имущество его подверглось конфискации. Этот

⁴⁶ Davies. Op. cit., p. 462 f.

⁴⁷ Ibid., p. 467, ср. Lys., XX, 14, 18.

⁴⁸ Davies. Op. cit., p. 491.

случай заслуживает, пожалуй, несколько большего внимания. Прежде всего, известно, что состояние Дифила равнялось по меньшей мере 160 талантам ([Plut.], Mor. 843). Это очень большая цифра даже для второй половины IV в., и если есть сомнения в ее точности, то разве что в сторону увеличения. Далее, это огромное состояние было разделено между гражданами. На мой взгляд, в этом эпизоде как будто умышленно сфокусирована история афинского богатства вообще...

Были конфискованы скороспелые состояния Эргокла и Филократа ⁴⁹. Относительно полководца Хабрия и его сына Ктесиппа формулировки Дэвиса (с. 560 сл.) мне кажутся чрезмерно осторожными. Дэвис отмечает богатство Хабрия и его крупные расходы. Что касается Ктесиппа, то о нем сообщается только, что он унаследовал богатство и недостатки своего отца без его достоинства — следуют ссылки на античных авторов, но содержание их не раскрыто. Наконец, указывается, что после 322/1 г. Ктесипп уже не упоминается в источниках, а о каких-либо других потомках Хабрия ничего не известно. Здесь, очевидно, содержится только отдаленный намек на возможность исчезновения состояния этой семьи. Такая сдержанность, проявляемая Дэвисом почти повсюду, где речь идет о «мотовстве», только затемняет существо дела. Ведь Ктесипп в античной литературе фигурирует как один из типичнейших «расточителей» (к ссылкам у Дэвиса можно добавить Plut., Phoc. VII, 3). Было бы естественно считать, что он по меньшей мере сильно потрепал большое состояние Хабрия ⁵⁰.

«Тридцать тиранов» конфисковали большое состояние оратора Лисия и его брата Полемарха. Неизвестно, сколько Лисий сумел впоследствии вернуть обратно, но потери его в любом случае были, несомненно, значительны ⁵¹. Наконец, безымянные афиняне, известные из XXV речи Лисия и XLII речи Демосфеновского корпуса, потеряли собственность в результате конфискации ⁵². Во втором случае, впрочем, могли сыграть роль также какие-то неизвестные нам обстоятельства, в результате которых понесли убытки все арендаторы рудников (см. [Dem.], XLII, 3).

К этим случаям, о которых можно почерпнуть более или менее определенные сведения из «Регистра» Дэвиса, следует прибавить еще несколько фактов, отмеченных Дэвисом бегло и недостаточно. Аристократ, сын Скеллия, был осужден и казнен после сражения при Аргинусах ⁵³, имущество его было конфисковано (Xen., Hell. I, VII, 10, 20, 22). Той же участи подверглись пять других стратегов: Диомедонт, Эрасинид, Фрасилл, Лисий и Перикл II — сын знаменитого Перикла. Потомки их вообще неизвестны (впрочем, имена Лисия и Фрасилла нередки в Аттике). Аристократ и Перикл принадлежали к богатым семьям. Относительно имущественного положения остальных мы ничего не знаем (Фрасилл, возможно, был когда-то беден — см. Athen., 534 E). Но у всех у них было немало возможностей пожить во время успешных действий в водах и на побережье Малой Азии (см. об обвинении Эрасинида в присвоении общественных денег) ⁵⁴.

Гилон был осужден на смерть, а имущество его, надо полагать, подверглось конфискации ⁵⁵. Сам Гилон, правда, бежал и разбогател на Боспоре, но позднее в Афинах он считался государственным должником, и это обстоятельство, может быть, причиняло некоторые неудобства его родственникам ⁵⁶.

⁴⁹ Ibid., p. 542.

⁵⁰ См. особенно *Men.*, fr. 303 Körte; *Athen.*, 165 E, 166 B.

⁵¹ *Davies.* Op. cit., p. 589.

⁵² Ibid., p. 595.

⁵³ Ibid., p. 57.

⁵⁴ *Xen.*, *Hell.* I, VII, 2; *Schol. ad Aristoph.*, *Ran.* 1196.

⁵⁵ См. подробнее *Davies.* Op. cit., p. 121.

⁵⁶ Ibid., p. 128 f.

Само собой разумеется, что конфисковано было недвижимое имущество тирана Гиппия и его родичей после их изгнания (ср. о продаже имущества Писистрата *Herod.*, VI, 121, 2).

«Банкир» Архестрат, бывший хозяин Пасиона (РА 2405), или его сын Антимах (РА 1113) разорились по неизвестным нам причинам⁵⁷. Дэвис упоминает Архестрата только в связи с биографией Пасиона. Между тем этот человек был в свое время достаточно богат, чтобы выступить поручителем на сумму в 7 талантов (*Isocr.*, XVII, 3)⁵⁸. Несомненно, он заслуживал бы включения в «Регистр» под своим собственным именем.

Вероятно, конфисковано было имущество казненного вместе с Фокионом Пифокла⁵⁹. Харикл, сын Аполлодора, один из «Тридцати тиранов», подвергся изгнанию и, очевидно, конфискации имущества (может быть, даже дважды⁶⁰). В качестве одного из главарей «Тридцати» он на какое-то время должен был стать очень богатым человеком. Другой Харикл, зять Фокиона, мельком упомянутый Дэвисом (с. 560), был заочно приговорен к смерти (*Plut.*, *Phoc.* XXXV, 4). О том, что он, по-видимому, получил кое-что из денег Гарпала, см. *ibid.*, XXII, 1—2.

Полководец Тимофей был подвергнут разорительному штрафу, впоследствии уменьшенному и выплаченному его сыном Кононом III, оставшимся очень богатым человеком, судя по внушительному списку выполненных им литургий⁶¹. Знаменательно, что здесь, оказавшись перед лицом очевидных фактов, Дэвис отмечает заметную «экономическую нестабильность», характеризующую биографию Тимофея. Он даже добавляет, что такой же нестабильности были подвержены и другие крупные общественные деятели (с. 509). Это абсолютно верное наблюдение. Я думаю, что если бы мы могли познакомиться с цифрами доходов и расходов каждого из афинских военно-политических руководителей, вскрылась бы, пожалуй, просто поразительная картина. Но этим признанием Дэвис в сущности подрывает ту самую точку зрения, которой в целом придерживается. Кроме того, его собственный анализ ясно показывает, что благосостояние Тимофея зависело не от земельных владений (или иного «производительного» имущества), которыми тот обладал. Это благосостояние определялось тем, какие денежные средства Тимофей приобретал и тратил во время своих походов. Все это так далеко от рачительного хозяйствования, что мне иногда кажется не совсем безрассудным для уяснения соответствующего «психологического климата» обращаться к ситуациям типа «золотой лихорадки» или азартной карточной игры. При всей рискованности такого рода аналогий они, может быть, ближе подводят нас к пониманию природы античного «сверхбогатства», чем сравнения, в глубине которых лежат особенности буржуазно-пуританской практики и морали.

В свой перечень я включил лиц, так или иначе упомянутых в «Регистре» Дэвиса (за исключением нескольких стратегов — коллег Аристократа). Здесь всего 62 человека. Из них только Лисий был метэком, остальные — афинские граждане. Главные события жизни их всех, кроме Гиппия, относятся к V—IV вв. до н. э. 39 из них определяются Дэвисом как богатые преимущественно на основе формального и довольно жесткого критерия — исполнения литургий. На мой взгляд, к богатым можно отнести еще 9 человек: Агиррия, Хармида, Эргокла, Филократа, Эрасинида, Перикла «II», Гиппия, Архестрата и Харикла-«тирана», таким образом доведя их число до 48.

Сюда следует присоединить еще несколько персонажей, не упомянутых Дэвисом, но, вероятно, богатых. Так, в числе прежде богатых и знатных

⁵⁷ *Ibid.*, p. 428 f.

⁵⁸ Я подозреваю, что смысл этого места улучшится при минимальной конъюнктуре (τῶν вместо τόν).

⁵⁹ См. о его богатстве и о возможной идентификации *Davies. Op. cit.*, 485.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 502 f.

⁶¹ *Ibid.*, p. 510 f.

граждан, разорившихся в результате нашествия Ксеркса, Плутарх называет Агасия из Ахарн (Кирхнер в РА 115 принимает чтение Ἀγασίας, но ср. РА 96, Ἀγασίας Ἀχαρ(υεύς) — казначей в надписи IV в. с Самоса — Michel, 832) и Эскина из Ламптр (РА 357; *Plut.*, *Aristid.* XIII, 3 и 1). Казначей полководца Тимофея Антимах (РА 1110), имущество которого было конфисковано и продано в 373 г. до н. э. (*[Dem.]*, XLIX, 10 и 45), подвергся этой участи, надо полагать, не за мелкие хищения.

Оратор Антифонт (РА 1304) был казнен с конфискацией имущества (*[Plut.]*, *Mor.* 834 А, ср. 833 А). По-видимому, античный биограф спутал его с другим Антифонтом, приписав ему выполнение триерархии⁶². Но есть другие основания считать, что Антифонт был богат, — его деятельность логографа и приписываемое ему корыстолюбие⁶³. Судьбу Антифонта разделил Архептолем, сын знаменитого архитектора Гипподама (РА 2384). Сомнения относительно происхождения Архептолема представляются мне неосновательными: Гипподам имел достаточно возможностей получить для себя или для своего сына афинское гражданство. До тех пор пока мы не знаем Гипподама из Агрилы, неидентичного с архитектором Гипподамом, было бы правильно считать последнего отцом Архептолема. Но и независимо от этого обстоятельства активная политическая деятельность Архептолема в 420—410-х годах позволяет рассматривать его как человека по меньшей мере состоятельного. Правда, сообщения схолиаста (*ad Aristoph.*, *Eq.* 327) об Архептолеме и Гипподаме безнадежно перемешаны между собой. Может быть, прав Фабрициус (*RE*, VIII, Sp. 1733), предположивший, что замечание схолиаста о доме в Пирее, якобы уступленном (Гипподамом?) государству, должно быть связано с домом Архептолема, после его казни конфискованным и разрушенным. Такая поправка значительно прояснила бы ситуацию⁶⁴.

Рассказ об Аристархе, происходившем «из богатого дома» и приговоренном к изгнанию⁶⁵, наверное, в общем соответствует действительности, хотя содержащееся в нем сообщение о трех талантах, будто бы присвоенных Демосфеном, выглядит несколько тенденциозным.

Как известный расточитель упоминается некий Диодор (отсутствует в РА), в два года промотавший отцовское имущество⁶⁶. Остается, разумеется, открытым вопрос, реальны ли эти лица. Аналогичные упреки делались по адресу братьев Автокла (РА 2718) и Эпикла (РА 4844) (*Athen.*, XII, 537 С), Полиевкта⁶⁷, Никия из Пергасы⁶⁸.

Каллимах (РА 7996) потерял (по-видимому, значительное) имущество, конфискованное при «Тридцати тиранах» (*Isocr.*, XVIII, 6, 35; ср. 41, 48). Вообще совершенно ясно, что время «тирании» ознаменовалось крупными перемещениями собственности, приведшими к исчезновению немалою числа больших состояний, несмотря на последующую попытку восстановить *status quo ante*. Вернуть, вероятно, удавалось главным образом недвижимость, а не денежные средства⁶⁹. Если же согласиться, что богатство создавалось преимущественно в денежной форме, легко себе представить масштабы его необратимого «перелива» из одних рук в другие в условиях террористического режима «Тридцати».

Тимагор (РА 13595), разбогатевший за счет персидских подарков⁷⁰, был привлечен к суду и казнен (*Dem.*, XIX, 31, 137, 191). Разумеется,

⁶² *Ibid.*, p. 327.

⁶³ [*Plut.*], *Mor.* 832 С; *Philostr.*, *Vit. soph.* I, XV, 2; [*Plut.*], *Mor.* 833 С.

⁶⁴ См., например, *Burns A. Hippodamus and the planned city.* — *Historia*, 1976, v. 25, p. 414—428.

⁶⁵ РА 1656; *Aeschin.*, I, 171—172; ср. II, 166; *Din.*, I, 30.

⁶⁶ *Alexid.*, fr. 105 К; ср. fr. 246 об Эпихариде.

⁶⁷ Может быть, РА 11950; *Anaxandrid.*, fr. 45 К.

⁶⁸ РА 10821; *Athen.*, 537 С; *Ael.*, VII, IV, 23.

⁶⁹ *Lys.*, XXXIV, 5; Р. Оху. XIII, 1606, II. 38—48.

⁷⁰ Демосфен говорит о 40 талантах — XIX, 137; ср. *Plut.*, *Artax.* XXII, 9—1; *Pelop.*, XXX, 9—1.]

он потерял и свои деньги. Строго говоря, Дэвису следовало включить его в «Регистр».

Дэвис не ставит вопроса о судьбе большого состояния Гипербола (с. 417). Хотя остракизм не сопровождался конфискацией имущества, естественно было бы предположить, что он мог привести к материальным затруднениям. О каких-то потерях Гипербола, может быть, идет речь в комедии (Plato com., fr. 169 K). Так или иначе изгнание и смерть Гипербола на чужбине и отсутствие каких-либо сведений о его потомках в Аттике — все это позволяет думать об исчезновении его состояния.

Филократ из Гагнунта, известный оратор и политический деятель (РА 14599), оказался в изгнании, а имущество его было конфисковано. Филократ, несомненно, был достаточно богат, чтобы найти себе место в «Регистре» Дэвиса. Разумеется, и в изгнании он оставался богатым человеком, но для нас существенно то обстоятельство, что конфискация подверглась разнообразная недвижимость, принадлежавшая ему в Аттике.

Комбинация (не очень, правда, надежных) сообщений о Формионе, стратеге V в. (РА 14958), позволяет предположить, что он был разорен штрафом и расходами, связанными с исполнением должности ⁷¹. Конфисковано было имущество Фриниха ⁷² и Писандра ⁷³. Принимая во внимание их (довольно сходную) политическую биографию, надо думать, что к моменту конфискации они были далеко не бедняками.

Гражданин из дема Холлидов, имя которого не сохранилось (по контексту — богатый человек), был разорен гетерой Антигоной ⁷⁴.

Наконец, я не вижу, почему бы не оказаться в общих чертах верным традиционному рассказу о «мизантропе» Тимофее (РА 13845), разорившемся в результате «мотовства» и «филантропии». Рассказ этот сохранился, правда в поздней литературе ⁷⁵.

Таким образом, к нашему списку добавилось еще 20 (или 15, если исключить пятерых «расточителей») имен. Получается, что мы знаем примерно около 80 богатых афинян, практически утративших свои состояния (случаев потери состояния известно несколько больше, потому что некоторым из перечисленных лиц это удавалось не однажды).

Было бы неосторожно рассматривать эту подборку как полноценный статистический материал, поскольку здесь явно нет случайной выборки. В то же время она достаточно представительна — прежде всего благодаря своей абсолютной величине, которая может быть определена как весьма значительная. В самом деле, по самому придирчивому подсчету получается, что нам более или менее точно известна судьба примерно 1/20 тех крупных состояний, которые зарегистрированы Дэвисом (с моими дополнениями эта пропорция еще благоприятнее). Но ведь (не говоря уже о том, что число состояний должно быть несколько меньше, чем численность их владельцев) очевидно, что разорению подверглась только какая-то часть богатых афинских граждан. Это значит (говоря почти наугад, но в верном направлении), что нашу пропорцию нужно поднять, например, до 1/5 или еще выше. Такая пропорция с точки зрения статистики была бы очень высокой. Таким образом, сделанная выше подборка может быть весьма успешно использована, особенно на фоне более широкого дополнительного материала.

Первое, что бросается в глаза, — это абсолютное, удивительно отчетливо выраженное преобладание «внеэкономических» причин обеднения. За исключением двух-трех спорных и нескольких недостаточно ясных случаев, все эти люди потеряли свою собственность вне зависимости от ее

⁷¹ Paus., I, XXIII, 40; Schol. ad. Aristoph., Pax, 347.

⁷² РА 15011; Schol. ad Aristoph. Lysistr. 313.

⁷³ РА 11770; Lys., XII, 4.

⁷⁴ Hyper., III; [Athen.], col. I, 3.

⁷⁵ Luc., Tim. V, VII; Alciph., II, 32; Tzet., Chil. VII, 273—286.

состава, от источников постоянных доходов, от личных деловых качеств и т. д.

Приблизительно 2/3 перечисленных лиц подверглись прямому воздействию государственной власти — конфискации, штрафам, изгнанию. Разумеется, это в значительной степени обусловлено состоянием и характером наших источников. Если, скажем, исполнение литургий приводило к некоторым имущественным потерям, то конфискация означала социальное уничтожение. Это было изменение качественного порядка, общеизвестное и бесспорное, регистрируемое самим государством и уже в силу этого обстоятельства привлекавшее преимущественное внимание. Кроме того, около половины наших подопечных — это политические и военные деятели, для которых угроза эйсангелии — политического обвинения и привлечения к суду за взятки или хищения общественных средств — была чуть ли не необходимым элементом карьеры.

В связи с этим стоит сказать здесь несколько слов об одной попытке защитить афинян от обвинения, сформулированного уже в древности, — обвинения в том, что они были «тяжелым народом», так что «выдающиеся люди» из их числа предпочитали держаться подальше от отечества (см. Theopomp. ap. Athen. 532 В). Я имею в виду статью Поля Клоше⁷⁶. Феопомп, правда, говорил главным образом о военных, а Клоше — исключительно о политических деятелях, но речь в сущности идет об одном и том же явлении, а метод и выводы работы Клоше весьма поучительны и имеют общее значение.

Клоше попытался проверить заново тот распространенный в историографии взгляд, что афинские политики подвергались постоянному давлению сикофантов и судебных процессов со всеми сопутствующими этому последствиями. Он сомневается в обоснованности этого мнения и обращается от субъективных оценок древних авторов к тому материалу источников, который касается персональных судеб афинских политических деятелей. Все это можно только приветствовать. По сути дела Клоше прибегает к статистике, и это тоже — по крайней мере в принципе — представляется вполне правильным.

Подборка Клоше включает 40—50 человек — ведущих политических деятелей IV в. О 12 из них нет сведений о том, что они участвовали в судебных процессах. Относительно 16 известно, что они судились однажды. В два процесса были вовлечены 10 человек, в три — двое, о шестерых есть сведения, что они выступали обвинителями или подвергались обвинению многократно (Клоше не выделяет тех, кто известен только в качестве обвинителя, их — 8 человек из 35 участвовавших в процессах).

Вторая статистическая операция, осуществленная Клоше, — подсчет количества сильно пострадавших в результате судебных дел. Их оказывается всего 15—16 человек, т. е. меньшинство (примерно 1/3 общего числа рассматриваемых персонажей). Из крупнейших политиков сюда входят шестеро: Андокид, Эпикрат, Каллистрат, Демад, Демосфен и Фокион. Что касается восьми других видных государственных деятелей: Кефала, Архина, Кефисодота, Гегесиппа, Эмбула, Ликурга, Гиперида и, по-видимому, Фрасибула из Стейрии, то они или вовсе не участвовали в процессах, или не подвергались осуждению.

Эти две операции очень неравноценны и должны быть рассмотрены каждая в отдельности. Первая просто поражает своим легкомыслием. Дело не в том, что при расширении хронологических рамок подборки на V в. и последние десятилетия IV в. доля привлеченных к суду увеличилась бы довольно существенно. Можно смириться также с некоторой субъективностью в самом выборе заслуживающих внимания политических деятелей (почему, например, в список вошел Аристокл, один из пос-

⁷⁶ Cloché P. Les hommes politiques et la justice populaire dans l'Athènes du IVe siècle. — *Historia*, 1960, IX, p. 80—95.

лов в Спарту, но не включены ораторы Питей и Гагнонид, первый из которых, кстати, подвергся изгнанию, а второй — смертной казни?). Суть дела в том, что здесь нет почвы для «ловбвых» статистических операций. Действительно, надо обратить внимание на то, что из «не подвергавшихся суду» 12 человек о 10 (кроме, пожалуй, Кефала и Кефисофонта) сохранилось вообще чрезвычайно мало сведений. Что мы знаем о Ликефе, Демотионе, Аристокле, Демострате или Эсиме? Среди лиц «с одним процессом» таких почти неизвестных персонажей несколько меньше. И все-таки, кроме Фокиона, ни о ком из них не сохранилось более или менее полных биографических сведений. И так далее — вплоть до того, что из восьми лиц, вовлеченных в три или больше процессов, для четырех (Эсхина, Ликурга, Гиперида и Демосфена) мы располагаем связными биографиями, о Каллистрате и Демаде сохранилось довольно много всякого рода свидетельств, относительно Аристофонта случайно уцелело сообщение, что он привлекался к суду по эйсангелиям 75 раз, и только Эвбул (якобы выступавший только в качестве обвинителя) известен вообще очень мало. Получается, что чем полнее мы знаем биографию афинского политика, тем больше у нас шансов встретить его в качестве участника судебных процессов. Разве не очевидно, что «статистика» Клоше ложна в своей основе, потому что ее «фундамент» составляет просто-напросто недостаточность фактического материала?

Подборка Клоше если вообще о чем-либо свидетельствует, то только об одном: по меньшей мере 3/4 афинских послов и ораторов участвовали в судебных процессах, как минимум, однажды, об остальных (за редкими исключениями) сведений слишком мало. Если же учесть мнение и свидетельства самих ораторов⁷⁷, становится ясно, что они прекрасно сознавали рискованный характер своей деятельности. Наконец, если им нередко удавалось избежать привлечения к суду или осуждения, то мы можем только догадываться о том, каких усилий, компромиссов и материальных затрат им это стоило.

Немногом лучше обстоит дело со второй операцией, осуществленной Клоше, — подсчетом числа осужденных политических деятелей. Правда, сам по себе этот подсчет (в отличие от первого) статистически оправдан: смертная казнь, конфискация и изгнание выдающихся людей — это такие события, которые редко ускользают от внимания современников. Впрочем, и здесь нужно иметь в виду возможный недостаток сведений. Так, об осуждении четырех послов 391 г. стало известно только в 1906 г., после обнаружения нового фрагмента Филохора. Кто может поручиться, что благополучно окончили свою жизнь десятки других политических деятелей, о которых сохранились не более чем отрывочные биографические сведения? В сущности найдется всего десятка полтора-два афинских государственных мужей IV в., относительно которых мы осведомлены достаточно полно: это примерно те 14, которых Клоше выделяет как наиболее крупных. Из них насчет Ликурга известно точно, что он не пострадал⁷⁸. С чуть меньшей уверенностью это можно сказать о Кефале, Архине, Эвбуле. Кефисодот и Гегесипп должны быть оставлены в списке «уцелевших» только под знаком вопроса. Фрасибула из Стейрии, может быть, только смерть спасла от участи Эргокла, его ближайшего сподвижника (см. *Lys.*, XXVIII, 4, 8). Гиперида вряд ли правильно числить среди благополучно избежавших опасностей политической карьеры. Его трагическая смерть, — правда, под давлением внешней силы, но по постановлению народного собрания (*Plut.*, *Dem.* XXVIII, 2, 4), — конечно, была прямым результатом того риска, которому подвергались афинские политические деятели.

⁷⁷ См., например, *Dem.*, XVIII, 249, XXII, 66 = XXIV, 173; *Din.*, I, 100; ср. [*Dem.*], X, 70.

⁷⁸ Но см. [*Plut.*], *Mor.* 842 A, F — о нем самом; *ibid.*, 842 E; *Dem.*, *Ep.* III, 7, 10, 13 — о его сыновьях.

Но в конце концов попробуем согласиться с подсчетами Клоше, имея, однако, в виду, что поправки ослабят его аргументацию. Допустим, что «только» $1/3$ (если не $1/2$) афинских государственных деятелей кончила свою карьеру смертной казнью, изгнанием, разорительным штрафом или тюремным заключением. Много это или мало? Наверное, найдутся другие общества и эпохи, в которые такой пропорцией трудно было бы кого-нибудь удивить. Но в условиях сравнительно стабильной демократической системы, какую представляли собой Афины IV в., при всей разнице во вкусах надо признать ее, пожалуй, очень высокой. И я думаю, что усилия Клоше оказываются полезными прежде всего в том отношении, что собранный им материал подкрепляет точку зрения, противоположную его собственной.

В одном отношении позиция Клоше, по-видимому, может быть поддержана. Судебные процессы и даже осуждение отнюдь не означали окончательного политического крушения. Смертная казнь фактически сводилась к изгнанию, штраф мог быть выплачен, уменьшен или прощен, конфискация имущества не приводила к полному разорению. Имелось, очевидно, немало средств как-то приспособиться к свирепости судов, и «политики» обнаруживали иногда в этой обстановке поразительную живучесть, пока непоправимая ошибка или неблагоприятное стечение обстоятельств не приводили их к гибели.

Вне рамок работы Клоше остались афинские стратеги. Между тем эта категория граждан (обладавшая чуть ли не наибольшими возможностями обогащения) была, наверное, не меньше подвержена опасности народного гнева, чем ораторы и послы⁷⁹. Со времени Греко-Персидских войн (Plut., Aristid. XXVI, 5; ср. 2) и кончая правлением Лахара (P. Оху, XVII, 2082, fr. 2) известны десятки случаев привлечения стратегов к суду. В последний момент в мое поле зрения попала работа Хансена, собравшего материал о процессах, явившихся результатом эйсангелий — обвинений в государственных преступлениях⁸⁰. В 34 случаях эйсангелии вносились против стратегов — больше, чем против других должностных лиц (19) и политических деятелей (17). В подавляющем большинстве случаев дело кончалось осуждением, обычно смертным приговором, реже крупным штрафом. Таким образом, эйсангелии были оружием, которое народ направлял преимущественно против своих военачальников⁸¹. Можно только присоединиться к этому выводу Хансена. Вместе с тем его работа заставляет еще раз вспомнить, сколь часто обсуждалось политическое значение этих бесчисленных судебных процессов и как редко — если когда-нибудь вообще в качестве отдельной проблемы — привлекала внимание их социально-экономическая сторона. Между тем именно для политических и военных деятелей особенно характерно быстрое и радикальное обогащение. С этой точки зрения обвинения против ораторов и стратегов можно рассматривать как своего рода реакцию на возникновение «сверхбогатства». Очевидно, что в таком небольшом обществе, как Афины, конфискация имущества нескольких десятков (а может быть, нескольких сотен?) богатых людей означала перераспределение собственности в довольно широких размерах.

Разумеется, казни, конфискации имущества и штрафы не ограничивались узким кругом ораторов и высших должностных лиц. Сведения о репрессиях — массовых и индивидуальных — во множестве рассеяны в афинской литературе (см. общую сентенцию Isocr., XV, 160), а в какой-

⁷⁹ См. в общей форме: *Aristoph.*, Eq. 288; *Plato*, Resp. 553 B; [*Plato*], Alcib. II, 141 E — 142 B; *Dem.*, IV, 47; [*Dem.*], XIII, 5; ср., впрочем, *Dem.*, II, 29; *Hyper.*, IV; [*Euxen.*], 2.

⁸⁰ *Hansen M. H.* Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.

⁸¹ *Ibid.*, p. 58—65.

то мере и документально засвидетельствованы «Аттическими стелами» и «Отчетами полетов».

Сравнительно скромное место в нашей коллекции занимают выполненные литургий и тем более уплата военного налога. В научной литературе по этому вопросу в общем преобладает некая срединная точка зрения: выполнение общественных повинностей требовало значительных затрат и могло привести к временным материальным затруднениям, но по большей части не было разорительным. Подразумевается, по-видимому, что оно осуществлялось за счет доходов, а не «основного капитала». Если мы читаем о случаях, выпадающих из этой картины, то здесь сказываются либо какие-то исключительные обстоятельства, либо легкообъяснимое стремление преувеличить расходы отдельных граждан на государственные нужды.

Вероятно, нужно согласиться с этой позицией умеренного скептицизма, но с одной оговоркой. В чем бы ни состояла пресловутая «тимема» — оценка имущества, представляется самоочевидным, что денежные средства, заключались ли они в наличных деньгах или в ссудах, легко ускользали от обложения. Вероятно, это обстоятельство лежало в основе различия между *ὄβια φαυρά* и *ὄβια ἀφανής* — «видимым» и «невидимым» имуществом. Наложение литургий в значительной степени зависело от доброй воли богатого человека — именно от того, какую часть своих денежных средств он готов был сделать «видимой» и, следовательно, подлежащей литургиям. Это означало, что «тимема» во многих случаях совершенно не соответствовала реальной величине имущества, причем в наиболее выгодном положении оказывался тот, кто обладал богатством в преимущественно денежной форме. Понятно, что жертвами такой системы должны были оказаться как раз не очень богатые люди, в имуществе которых большее место занимали недвижимость, рабы и т. д. Для них литургии могли представлять весьма тяжелое бремя. Иначе невозможно понять частые ссылки на разорительность триерархии⁸², хорегии⁸³, литургий и взносов в целом⁸⁴. В тех случаях, когда речь идет о разорении в ходе войны, также, вероятно, имеются в виду (по крайней мере отчасти) литургии и взносы. О финансовых затруднениях, сопряженных с триерархией, по-видимому, свидетельствуют частые указания на задолженность бывших триерархов, имеющиеся в отчетах попечителей верфей (надписях типа *tabulae curatorum navalium*), особенно, конечно, те, где сообщается о взыскании через суд удвоенной суммы.

Разумеется, степень того ущерба, который претерпевали крупные состояния в результате исполнения литургий, определялась очень конкретными обстоятельствами. Если, например, в период Декелейской войны этот урон мог оказаться разорительным (см. *Isocr.*, XVIII, 62—64), то в обычные времена, надо полагать, он мог привести к временным затруднениям, займам (*Dem.*, L, 17, 56), закладу собственности (*Dem.*, XLVII, 54; *Dem.*, L, 7, 13, 61), лишь иногда — к продаже (характерно, что у *Dem.*, XLVII, 54, говорится о продаже домашних вещей). Складывается впечатление, что эти расходы, как правило, не приводили к потере недвижимости, но на денежные средства они могли повлиять довольно сильно.

С этой точки зрения поучительны некоторые сообщения Лисия. Во-первых, персонаж из XIX речи якобы истратил на нужды государства 2/3 своего состояния. Во-вторых, из той же речи видно, что Аристофан, сын Никофема, израсходовал попавшее в его руки большое состояние (около

⁸² См. например, *Aristoph.*, Eq. 912—918; *Lys.*, XXIX, 4; *Xen.*, Vect. III, 8; *Isocr.*, XVIII, 62—64; *Aeschin.*, III, 19; *Dem.*, XVIII, 102 sqq.; *Hyper.*, fr. 43 (134); а также о бесконечных затруднениях Аполлодора: [*Dem.*], L, passim.

⁸³ *Dem.*, XXI, 61; *Plut.*, Mor. 349 B.

⁸⁴ *Xen.*, Oecon. II, 5—7; *Lys.*, XXVI, 22; XIX, 9, 59; ср. XIX, 42; *Isae.*, V, 43, fr. 29 [Th.]; *Isocr.*, VIII, 128; *Theophr.*, Char. XXVI, 6; ср., правда, *Dem.*, XXXVIII, 26, ср. 25, но и *Dem.*, XXI, 189.

15 талантов ⁸⁵) следующим образом: пять с чем-то талантов пошло на покупку недвижимости, около трех потребовали литургии, почти семь было истрачено на экспедиции в Сицилию и на Кипр. Очень любопытное соотношение! Подробно перечисляет свои расходы на литургии подсудимый в XXI речи Лисия ⁸⁶ (около 10,5 талантов за срок приблизительно в 10 лет). Дэвис, может быть, правильно вычисляет по размерам уплаченного военного налога возможную общую стоимость имущества, определяя ее в 20—30 талантов. Пожалуй, эту цифру следует воспринимать как минимальную. Но в расчетах Дэвиса предполагается, что траты осуществлялись из дохода, так что состояние сохраняло свои размеры. Подтверждение этому он видит в том факте, что гражданин, для которого была написана речь, нигде не упоминает (как это нередко случалось в афинской судебной практике) об уменьшении своего имущества в результате затрат на общественные нужды.

В этом конкретном случае Дэвис в конце концов может оказаться прав. Но независимо от этого весь его подход к делу представляется мне сомнительным в самой своей основе. Дэвис, по-видимому, убежден, что собственность нашего афинянина была (хотя бы в основном) продуктивной собственностью, а между доходами и расходами соблюдался некий разумный с нашей точки зрения баланс. В действительности для афинского «сверхбогатства» этот «коммерческий» ход рассуждений приемлем только в очень ограниченных пределах. Я бы сказал, что в каждом отдельном случае мы можем ожидать каких угодно отклонений: собственность сплошь и рядом оказывалась абсолютно непродуктивной, а баланс доходов и расходов привел бы в отчаяние современного бухгалтера. Что касается подсудимого в XXI речи Лисия, то, если можно опираться на эту необычную формулировку, он как раз указывает, что тратил на общественные нужды «отцовское наследие» (*τῆν πατρῶν οὐσίαν* — § 22). Развивать эту тему ему было нецелесообразно, потому что сама его защита построена в значительной части на обещании и впредь служить государственным интересам (§ 14). Не лишним будет заметить, что этому человеку — как и множеству других! — в случае проигрыша дела грозила потеря состояния.

Дэвис полагает, что небезопасно считать эту «литургическую карьеру» типичной для афинского высшего класса, поскольку у подсудимого были, по-видимому, особые основания угодить государству и сам он подчеркивает, что расходовал много больше нормы. Это довольно тонкое и, вероятно, верное соображение. Но дело-то в том, что «особые основания» находились достаточно часто, чтобы самим стать в определенном смысле типичными, хотя они, разумеется, могли быть одними у персонажа из XXI речи Лисия, другими — у Аристофана, сына Никофема, третьими — у Аполлодора, четвертыми — у опекунов Демосфена, может быть, пятыми — у того афинянина, который якобы истратил на литургии всю свою собственность, оставшуюся незаложенной (*Isae.*, fr. 29 Ih.). Одним из наиболее распространенных мотивов было, наверное, стремление приобрести репутацию патриота на случай возможных жизненных осложнений (как с наивной откровенностью разъясняет Лисий в XXV, 13; ср. XXVI, 3—4). Но не последнее место занимало и то, что греки называли *φιλοτιμία* — понятие, очень приблизительно переводимое как «благородное честолюбие». Любопытно (и звучит несколько комично в современных условиях), что Аристотель предлагает удерживать от лишних трат богатых людей, желающих выполнить хорегии и т. п. дорогостоящие, но бесполезные общественные повинности ⁸⁷.

⁸⁵ *Davies*. Op. cit., p. 202.

⁸⁶ О нем см. *ibid.*, p. 592 f.

⁸⁷ *Arist.*, 1309 a 14—20; ср. *Isocr.*, VII, 53; *Dem.*, XXI, 61; *Cic.*, De off. II, 56 — со ссылкой на мнение Теофраста и чрезвычайно характерной его критикой.

Тяжесть литургий для богатых в сущности не поддается измерению как раз потому, что она варьировалась в каждом отдельном случае. Очевидно, что иногда литургии в самом деле оказывались разорительными. Но общественные повинности в целом — это только часть определенной системы социального балансирования. Другим ее звеном были крупные штрафы и конфискации имущества. Третьим была деятельность сикофантов, естественно, касающаяся в первую очередь богатых граждан. Разумеется, сикофанты обычно ограничивались «пощипыванием» крупных состояний, но размеры вымогательств могли быть и очень значительными. Страх Никия перед сикофантами и его готовность откупиться от них деньгами высмеивались в комедии (Plut., Nic. IV). Сикофанты нападали на Каллия (Aristoph., Av. 285—286), Хармида (Xen., Symp. IV, 30), Критона (Xen., Mem., II, 9, 4), Исхомаха (Xen., Oecon. XI, 24), богатого подсудимого в XII речи Лисия (§ 21), даже на крупнейшего государственного деятеля Ликурга (Plut., Mor. 842 A). Наконец, в афинских условиях очень большую роль если не в ликвидации, то в дроблении и перераспределении крупных состояний должны были играть судебные решения по имущественным процессам. Мы по большей части не знаем их содержания, но ясно, что во многих случаях тот или иной результат тяжбы обогащал одну сторону за счет другой.

Для оценки этой системы существенны два обстоятельства. Очевидно, что ее действию подвергались преимущественно крупные состояния. Это само собой разумеется, в отношении литургий с оговоркой, сделанной выше, и деятельности сикофантов, как хорошо понимали уже сами древние⁸⁸. Конфискации или штрафу могли подвергнуться, разумеется, граждане самого различного имущественного уровня. Но здесь вступали в силу по крайней мере три фактора, превращавшие богатых в главный объект репрессий: сам характер судебных дел, связанных в значительной части с предполагаемым или действительным присвоением общественных средств; атмосфера суда и народного собрания, где недоброжелательство к богатым оказывалось вполне естественным⁸⁹; чисто финансовые соображения⁹⁰.

Социальный смысл давления на крупные состояния был ясен современникам. Это давление препятствовало безграничной (а главное — устойчивой) концентрации собственности⁹¹. Не столь однозначен ответ на другой вопрос — какую пользу получал демос от суровых судебных приговоров. Лисий (XVIII, 16—18) и Платон (Resp. 565 A—C) подчеркивают, что большая часть средств, которые давали конфискации, попадала в руки ораторов и демагогов. Следует, наверное, предположить, что это обвинение содержит в себе как долю истины, так и сильный элемент тенденциозности.

Разумеется, рядовые афинские граждане получали непосредственные материальные выгоды в тех случаях, когда конфискованное имущество подвергалось прямому разделу⁹², и косвенные — когда за счет его продажи обеспечивалась уплата жалованья (Lys., XXVII, 1) или иные расходы, производимые в интересах гражданства в целом. Нормальная процедура заключалась в распродаже конфискованного имущества. Отчеты о продаже сохранили слишком мало материала, чтобы на их основании можно было делать какие-то выводы о социальном составе покупателей.

⁸⁸ Xen., Mem. II, 9, 1, 5; ср. IV, 2, 35; Symp. IV, 30; Oecon. XI, 24; Isocr., XXI, 5; [Dem.], LVIII, 65.

⁸⁹ Aristoph., Vesp. 240—244, 286—289, 575; Lys., XXI, 15; XXVII, 11; Isocr., XV, 31, 154; Isae., XI, 37—38; Hyper., IV [Euxen.], 32; Arist., Polit. 1320 a 10—11; ср. 13—14; ср. [Xen.], Resp. Athen. I, 13 и 16. О социальном составе геллии см. Андреев В. Н. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии. — ВДИ, 1960, № 4, с. 142—144.

⁹⁰ Lys., XIX, 11, 50—51; XXVII, 1; XXX, 22; Arist., Polit. 1320 a₁₇₋₂₂.

⁹¹ Isocr., XV, 156; ср. VIII, 130; [Xen.], Resp. Athen., I, 13.

⁹² См. [Plut.], Mor. 843 D; ср. Plato, Resp. 565 A.

В нашем распоряжении, однако, есть группы документов, представляющих собой близкую аналогию этим отчетам: надписи типа *rationes centesimarum*, отчасти надписи об аренде рудников и — в несколько меньшей степени — об аренде общественной недвижимой собственности. Во всех этих случаях, по-видимому, наряду с богатыми афинянами, располагавшими свободными денежными средствами, в операциях принимала участие — пусть на более скромном уровне — значительная масса граждан. Представляется очень вероятным, что положение с покупкой конфискованных имуществ было в общем сходным. Это значит, что демос осуществлял в сущности экспроприацию крупных собственников, исходя из собственных, сугубо материальных интересов. Может быть, в социально-психологическом отношении не менее важен тот моральный выигрыш, который конфискации предоставляли народу (см. характерное место у Аристофана — *Vesp.* 550—558, ср. 575). Понятно, что политика конфискаций оценивалась как проводимая демагогами и ораторами «в угоду демосу»⁹³.

Было бы, пожалуй, известным упрощением усматривать во всем этом целенаправленную и последовательную «политическую линию» афинской демократии. В этой области рассуждения по аналогии с современностью столь же чреваты ошибками, как и в вопросах, касающихся античной экономики. «Социальная политика» Афинского государства складывалась стихийно и почти всегда сохраняла значительную долю весьма консервативного оппортунизма. Вместе с тем, я думаю, можно считать систему литургий, штрафов, конфискаций и т. д. своеобразным проявлением классовой борьбы, нацупанной афинским демосом формой имущественного нивелирования и перераспределения собственности без радикальной ломки общественных отношений.

Есть один способ утраты состояния, о котором Дэвис, как мы уже не раз имели случай наблюдать, говорит чрезвычайно сдержанно и, пожалуй, только в тех случаях, когда этого совершенно невозможно избежать. Я имею в виду то явление, которое греки обозначали словом *λοστία*, т. е. распущенность, расточительность, «мотовство». Позиция Дэвиса понятна: обвинения в расточительности напоминают инсинуации или имеют анекдотический привкус, проверить их, как правило, невозможно, конкретные факты и цифры здесь обычно не приводятся.

Между тем в нашей подборке траты на непроизводительные цели, будь то чрезмерное патристическое честолюбие, разные виды «филантропии» или безрассудная роскошь личной жизни, занимают второе место после конфискаций и штрафов. Я насчитываю приблизительно 13 такого рода случаев, хотя было бы смешно настаивать здесь на какой-то точной цифре. Это число может быть увеличено за счет лиц, обладавших состоянием среднего размера или недостаточно твердо засвидетельствованных в качестве богатых, а также за счет тех, о ком нет сведений, что они в результате своего «мотовства» подверглись окончательному разорению⁹⁴. Однако, по-видимому, при таком перечислении мы ни на шаг не продвигаемся дальше тривиального вывода о том, что немалое число афинских граждан, справедливо или не совсем, приобрело репутацию «расточителей». Суть проблемы состоит, наверное, в том, можно ли рассматривать это многообразное «мотовство» как некое социальное явление, присущее древним Афинам (или античному миру в целом?) в более широких масштабах, чем другим обществам или по крайней мере большинству из них. Не обладало ли оно здесь, так сказать, большей результативностью?

⁹³ *Dem.*, VIII, 69; ср. 74; *Arist.*, *Polit.* 1320 a₄₋₆.

⁹⁴ См., например, о Гегесандре — *Aeschin.*, I, 95; о Тимархе — *Aeschin.*, I, 95, 98—99; ср. 154; об Алквивиаде «Младшем» — *Lys.*, XIV, 27; о Критоне — [*Dem.*], XL; о Ксеновете II — *Isae.*, X, 25; О Фоке, сыне Фокиона, — *Athen.*, 168 E.

Эта проблема может быть решена только на фоне и в связи со всей социально-экономической жизнью Афин V—IV вв. до н. э. И я убежден, что ответ на только что сформулированные вопросы должен быть безусловно положительным. Кажется, уже обилие терминов, обозначающих непроизводительные расходы, само по себе говорит в пользу этого взгляда. Но, разумеется, гораздо важнее для нас тот обширный материал, который может быть почерпнут из афинской литературы.

В самом деле, «расточитель», чаще всего молодой человек, получивший или еще не получивший наследства, — это один из типичных персонажей комедии⁹⁵. Нередко это обвинение направлено против вполне (или предположительно) реальных лиц: против оратора Каллисфена, PA 8090 — Antiphan., fr. 26 K; Полиевкта, может быть, PA 11950 — Anaxandrid., fr. 45 K; Диодора — Alexid., fr. 105 K; Эпихарида — idem., fr. 246 K; ср. о Критоне, PA 8817 — [Dem.], XL, 58. В сущности эта тема в античной литературе почти неисчерпаема. Люди, растратившие состояние, иногда воспринимались как своего рода «социальная прослойка»⁹⁶.

Эта весьма неполная подборка (я фиксировал преимущественно те места, где выражена идея разорения в результате «мотовства»), как кажется, вполне достаточна для нашей цели: очевидно, случаи расточительства были достаточно многочисленными, чтобы современники оценивали их как широко распространенное явление, признак и болезнь своего века. Они делали это с более или менее отчетливой (нередко вовсе не ощущаемой) гримасой осуждения и насмешки.

В оценке «мотовства» древними авторами сказались, может быть, общественно-психологические установки, противоположные тем, на которых была впоследствии вскормлена ранняя буржуазия. Здесь достаточно отметить, что сами эти античные взгляды выросли на почве очень специфичной социально-экономической реальности. В этой реальности «расточительность» как таковая незаметно переходила в общепризнанные гражданские добродетели. Афинские авторы предполагают возможность разорения в результате трат на друзей⁹⁷ и вообще «благотворительности»⁹⁸. Имеются бесчисленные свидетельства добровольных и превышающих обычные стандарты расходов, произведенных в угоду личному и полисному честолюбию, ради популярности и поддержания престижа и т. д., причем литературные источники находят здесь сильное подтверждение в материалах эпиграфики. Кстати говоря, кочующая со времен Демосфена идея о возрастающем нежелании богатых граждан тратиться в интересах государства представляется далеко не бесспорной. Что касается личного потребления, то его неуклонный рост, как кажется, никем не оспаривается. Цицерон нарисовал однажды прямо-таки драматическую картину той в конечном счете безнадежной борьбы, которую вели государственные деятели Афин, пытаясь ограничить роскошь погребений (De leg. II, 26, 64, 66). Такие же попытки предпринимались и в других областях греческого мира.

Расточительность, роскошь и филантропия появляются, вероятно, повсюду, где достигнут определенный уровень материального благосостояния и имущественного неравенства. Речь может идти, по-видимому, только о масштабах и, так сказать, «органичности» этих явлений. Если взять их во всей совокупности, создается впечатление, что в древних Афинах они составляли характернейшую черту общественной жизни.

⁹⁵ См., например, *Aristoph.*, Nub. 12—18, 438—439 и passim; *Plut.*, 242—244; *Men.*, fr. 287 Körte; *Anaxipp.*, fr. 1 K, *Adesp.*, fr. 848 K.

⁹⁶ См. *Lys.*, XIX, 10; XXIV, 19; *Xen.*, Mem. I, 2, 22; *Oecon.* I, 20, 22; *Hell.* VI, 3, 16; *Plato*, Resp. 555cd, 572e, 573a, 573e, 574a; *Phaedo* 82c; *Protag.* 353 cd; *Isocr.*, VIII, 4, XII, 140, ср. XV, 305; *Aeschin.*, I, 30, 194—195; ср. *Hegesipp.*, fr. I K, ll. 29—30.

⁹⁷ См., например, *Aristoph.*, *Plut.* 829—833; *Isae.*, V, 43.

⁹⁸ *Xen.*, *Oecon.* II, 5; ср. *Plut.*, Sol. II, 1; [Dem.], XXV, 86.

Это обстоятельство может получить удовлетворительное объяснение с тех позиций, которые я ныне пытаюсь обосновать. «Сверхпотребление» было естественным результатом «сверхбогатства», и здесь действовало несколько факторов.

1. Относительная легкость приобретения и, с другой стороны, утраты состояния не способствовала ни самому процессу накопления, ни торжеству психологии бережливости. Пожалуй, скупость в собственном смысле слова получила в античной литературе непропорционально скудное отражение. И не на любой социально-экономической основе могло развиваться учение киренаиков.

2. Если образованные греки ценность богатства видели прежде всего в его использовании, а щедрость весьма высоко котировалась у них в шкале добродетелей (в пользу этих тезисов можно привести немало аргументов, начиная с этимологических), — это также находит, я думаю, очень материальное объяснение. В греческом обществе «классической» эпохи не было единственной серьезной альтернативы «жизни на широкую ногу» — не было возможности вложить деньги в производство, добиться его расширения, установления монополии и т.п. Простая концентрация средств производства в одних руках была затруднительна, политически небезопасна и, наверно, не давала ощущения контроля над экономикой и власти над людьми. Способ производства, свойственный грекам (или древним народам вообще?), по необходимости оставлял им как возможную реализацию денежного богатства главным образом накопление сокровищ или непроизводительные траты самого разнообразного характера.¹

3. Греческие *φιλανθρωπία*, *μεγαλοπρέπεια* и *φιλοδοξία* кажутся, так сказать, «нерентабельными» только с нашей современной точки зрения. Для самих греков они имели, вероятно, немалый практический смысл. Они давали выигрыш в виде популярности, приобретения сторонников, дружеских связей и т.п. Таким образом, они становились своего рода «страхованием», резервом на случай внезапных политических и финансовых катастроф. Мне кажется, что хотя бы отчасти такое же значение имели многочисленные займы, нередко дружеские и беспроцентные, иногда предоставляемые за пределы государства. Во всяком случае, менее всего это были «вложения в промышленность и торговлю», по крайней мере с позиций кредиторов. Может быть, и развитие отношений гостеприимства следует в какой-то мере отнести на счет того же самого стремления обеспечить себе пространство для дальнейшего маневрирования?

Пожалуй, самая объективная и глубокая основа античного «мотовства» состояла просто в том, что «капитал», накопленный в денежной форме и несколько не «сросшийся» с производством, как бы самой природой был предназначен именно для такого рода «реализации». Изъятие его из кубышки не влекло за собой никаких серьезных социально-экономических последствий. «Расточение» с этой точки зрения представляется единственной возможной формой его «использования».

Итак, как кажется, огромные непроизводительные траты, сплошь и рядом ведущие к значительному уменьшению (а то и исчезновению) крупных состояний, — это социальный феномен, порождаемый античностью неизбежно и в размерах, может быть, более широких, чем в любом другом обществе.

Я не рассматриваю здесь вопрос о дроблении больших состояний в результате наследования. Этот процесс, по-видимому, не является характерным для афинского богатства. Не видно, чтобы распыление имущества в итоге раздела между наследниками воспринималось самими афинянами как сколько-нибудь болезненная социальная проблема. Здесь могли действовать, пожалуй, следующие причины.

1. При всей неполноте соответствующего материала все же создается впечатление, что средние афинские семьи были невелики. Население в це-

лом росло незначительно, а в IV в. даже уменьшилось по сравнению с V в.

2. Индивидуальные отклонения от этого правила регулировались с помощью таких институтов, как совместное владение имуществом и удивительно широко распространенный обычай усыновления чужих детей.

3. «Лишним» сыновьям предоставлялись многообразные возможности создания собственного хозяйства без ущерба для интересов семьи. Возможно, как раз относящиеся сюда соображениями отчасти объясняется присутствие афинян из богатых семейств среди клерухов, колонистов, эмигрантов и наемников.

Какое же место мы должны отвести экономическим факторам в процессе исчезновения крупных состояний? Совершенно ничтожное — такой по сути дела ошеломляющий ответ подсказывает наша подборка. Действительно, только несколько человек могут быть с большей или меньшей долей вероятности причислены к разорившимся в силу экономических причин. Это — Аристолах (см. выше), Каллий и Никерат, причем две последние атрибуции, как я пытался показать, не основаны на материале источников.

Можно возразить, конечно, что экономические затруднения не отразились в источниках достаточно полно в силу самой их специфики. Такого рода разорение не было, как правило, быстрым и окончательным (в отличие, например, от разорения в результате конфискации). Оно, так сказать, не бросалось в глаза. Оно не давало авторам комедий столь выигрышного материала, как расточительность. В суде ссылки на траты в интересах общества звучали, конечно, несравненно внушительнее и т. д. Эти возражения были бы вполне резонны, а наша подборка, таким образом, в этом отношении недостаточно «репрезентативна». Очевидно, нужно рассмотреть вопрос более широко, на фоне всей социально-экономической жизни Афин и с привлечением возможно более разнообразных источников.

В греческой литературе неоднократно упоминается разорение в результате войны. По сообщению Плутарха, значительная часть афинской богатой знати обеднела в результате персидского нашествия (Aristid., XIII, 1—2). Разумеется, таково же было влияние Пелопоннесской войны (Dem., XX, 10; ср. Isocr., XV, 319). Во время войны лишились имущества Полистрат и его сыновья (Lys., XX, 33), отец Эхина АтрOMET (Aeschin., II, 147), Теодор и Исократ (XV, 161; ср. [Plut.], Mor. 837 A). Такие же жалобы раздавались по поводу Коринфской войны (Lys., XXVIII, 3—4).

Но что здесь, собственно, имеется в виду? Обеднение в этих случаях, по-видимому, прямым следствием двух главных обстоятельств: опустошения земельных владений неприятелем и увеличения финансового бремени, налагаемого на богатых граждан государством. Может быть, сюда нужно прибавить бегство рабов, а также потерю заграничных владений⁹⁹. Таким образом, хотя война сама по себе в известном смысле экономическое явление, ближайшие причины потери или уменьшения состояний оказываются явно не экономическими. Правда, в число этих причин могла входить и общая неблагоприятная конъюнктура, создаваемая военными условиями, что в какой-то мере подтверждается весьма любопытными, хотя и несколько гротескными эпизодами в «Мире» Аристофана (см. особенно 1210, 1212—1213, 1250—1252 о разорении оружейников и торговцев оружием после заключения мира). Нужно, впрочем, принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, колебания спроса должны были сказываться преимущественно на мелких ремесленниках, значительно меньше затрагивая людей, обладавших крупными денежными средствами и разнообразным доходным имуществом. Во-вторых, влияние античных войн на движение цен (за исключением таких относительно кратковременных явлений,

⁹⁹ Xen., Mem. II, VIII, 1; Symp. IV, 31; [Dem.], VII, 10.

как осада и морская блокада городов) столь мало прослеживается в источниках, что благоразумнее всего считать его не очень существенным¹⁰⁰.

Еще более отчетливое впечатление создается, если обратиться к торговле. В самом деле, торговля постоянно рассматривалась как занятие выгодное, но рискованное. Здесь было, может быть, легче нажать состояние, чем в любой другой отрасли хозяйства, но легче и потерять его. Но вот что характерно: нет ни одного свидетельства о том, чтобы купец разорился в силу конкуренции, неудачных торговых операций или неблагоприятной экономической конъюнктуры. Речь идет совсем о другом. Так, рисуя опасности морской торговли, Андокид говорит о неприятельских триерах и пиратах, о плене и кораблекрушениях (I, 137—138). Лисий в аналогичном случае несколько «ближе к экономике»: он также упоминает разбойников, «убыток» (*ζημία*, — по-видимому, в этом контексте невозможно определить, что именно имеется в виду) и долг кредиторам (XXXII, 1, 29). Наконец, Патэк в комедии Менандра из состоятельного человека превратился в нищего, когда потонул его корабль (или корабль с принадлежащими ему товарами — *Periclr.*, 376—381). Несомненно, если не в античности вообще, то по крайней мере в Греции V—IV вв. до н. э. неприятности морской торговли ассоциировались в первую очередь с нападениями пиратов и кораблекрушениями. Ведь рынок сбыта для греков был практически неограниченным. Это в сущности подразумевается в речи Лисия против хлебных торговцев (см. особенно § 14—15) и в широко известном месте у Ксенофонта (*Oecon.* XX, 27—28). Афинские законы о торговле представляли собой, пожалуй, довольно неуклюжую и не совсем обычную для античности попытку преодолеть понятные неудобства именно такого положения вещей.

Участие в эксплуатации серебряных рудников, по свидетельству античных авторов, иногда приводило к крупным финансовым потерям, а иногда и к разорению «предпринимателей»¹⁰¹. Речь идет главным образом о не оправдавших себя затратах на организацию работ (*Dem.*, XLII, 3, 21)¹⁰².

В области кредита богатство оказывалось подверженным, может быть, наибольшему риску¹⁰³. Очевидно, однако, что денежные потери, связанные с займами, и в частности банкротства трапезитов, не столько были обусловлены общим состоянием афинской экономики, сколько зависели от личных качеств займодавцев и должников, от политических событий (типичная ситуация — *Isocr.*, XXI, 2—3, 7; ср. *Polyaen.*, VI, 2, 2), от превратностей морской торговли и т. д. Здесь нет аналогии с современностью: денежное богатство, составлявшее источник кредитования, было в общем невелико, изолировано и не связано органически с «промышленностью», а формы кредита недостаточно развиты. Можно, наверное, предположить, что опасность представляли преимущественно «морские» займы, займы «иностранцам» и т. п., т. е. операции, имеющие оттенок профессионализма. Между тем граждане в общем мало участвовали в профессиональном кредитовании.

Все эти факторы, разумеется, приобретают экономическое значение. Но они не «вырастают» из экономики, а в основном, так сказать, привносятся в нее извне. И отнюдь не создается впечатления, что они, за исклю-

¹⁰⁰ Ср. о независимости арендной платы от событий политической истории: *Kent J. The Temple Estates of Delos, Rheneia and Mykonos.* — *Hesperia*, 1948, XVII, p. 307.

¹⁰¹ *Xen.*, *Vect.* IV, 28—29; *Athen.*, VI, 233 E; ср. *Strabo*, III, 2, 9 (p. 147); *Diod.*, X, 37.

¹⁰² *Андреев В. Н.* Лаврийские серебряные рудники как источник частного обогащения в V—IV вв. до н. э. — ЛГПИ им. Герцена, XXX Герценовские чтения, 1977, с. 103—107.

¹⁰³ См. характерное рассуждение *Dem.*, XXXVI, 11; ср. [*Dem.*], XLIX, 68 и соответствующий материал в статье: *Глушкина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. (Афинские трапезиты). — ВДИ, 1970, № 3, с. 17—43.

чением, пожалуй, военных действий с их ближайшими и отдаленными последствиями, сколько-нибудь существенно отражались на благополучии афинской имущественной элиты.

Итак, мы получили чисто негативный результат, и он возвращает нас к исходному пункту рассуждений. Нет таких материалов, которые позволяли бы предполагать обеднение сколько-нибудь значительной части афинской имущественной элиты в силу причин экономического характера. Более того, не видно тех предпосылок, которые могли бы привести к подобному процессу. И еще больше — вряд ли в античности существовали такие хозяйство и общество, в которых могли бы сложиться самые эти предпосылки.

Отсюда следует, что огромное преобладание случаев «внеэкономического» разорения не может быть целиком (или даже в основном) отнесено на счет неполноты наших источников, чем бы последняя ни была обусловлена. Это преобладание, по-видимому, в общем верно отражает действительность. В этом отношении, как и во многих других, лучше всего уловили и выразили особенности своего общества сами древние греки.

THE INSTABILITY OF WEALTH IN FIFTH AND FOURTH CENTURY ATHENS

V. N. Andreyev,

The author bases his conclusions on particular instances, gleaned from the sources, of financial ruin suffered by wealthy and less wealthy citizens, and on a study of the causes of such disasters as presented in the ancient literature. When Athenians discuss this problem it does not occur to them to lay the blame on general economic upsets or on competition: they talk about taxes and obligations, court trials, of ransoming captives, money spent on helping friends, «excessive consumption», and the like. J. K. Davies takes note in his «Register» of the complete or partial impoverishment of approximately 40 wealthy Athenians. The present author, in considering this list, proposes some additions and corrections. He finds that Davies is inclined to «improve on» economic elements in the material. As for the particular instances, Davies misses some and leaves certain persons out entirely. If these were taken into account, the numbers of ruined or seriously impoverished rich or well off citizens would rise to 80. Almost all the bankruptcies recorded in the sources are due to extra-economic factors and two thirds of all of them result from direct state pressure. About 13—15 (or more) large fortunes vanished or were greatly reduced by nonproductive expenditure on public and personal needs.